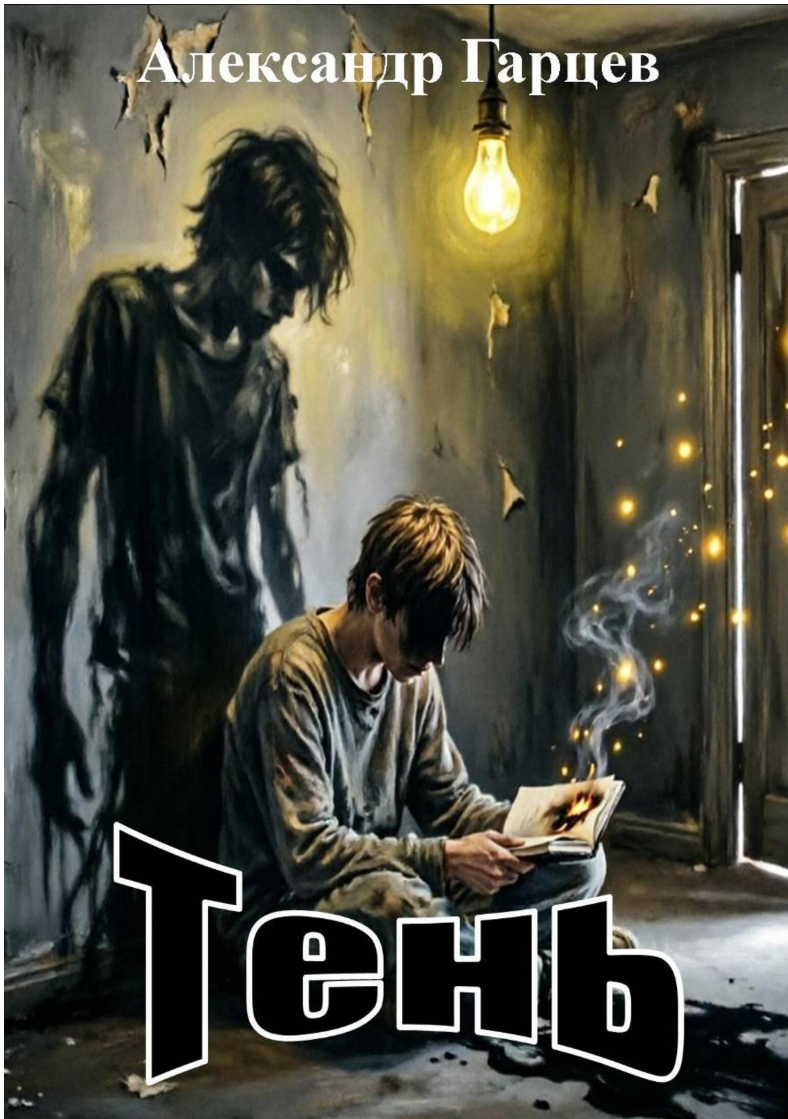

Александр Гарцев

Тень

Александр Гарцев

Тень

<https://litres.ru/74322892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть писателя Александра Гарцева "Тень" - это тяжелая, пронзительная и светлая история о взрослении, о той тонкой грани, где мальчик становится мужчиной, а тень обретает плоть.

Это путь от отчаяния к надежде, от одиночества к дружбе, от фальшивых стихов к искреннему слову.

И главное — это история о том, как человек сжигает свою боль, чтобы заново родиться.

«Тень» — это магический реализм, переплетенный с философской прозой, исповедь подростка, который боится жить, но учится дышать.

Для тех, кто когда-либо чувствовал себя тенью.

Для тех, кто ищет свой голос.

Для тех, кто готов выйти из кладовки на свет.

Содержание

ГЛАВА 1. КЛАДОВКА	4
ГЛАВА 2. ХАМЕЛЕОН	15
Глава 3. ЛЮДКА И РОЗЫ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Гарцев

Тень

ГЛАВА 1. КЛАДОВКА

Осень в городе N наступила внезапно, как удар под дых. Ещё вчера солнце слепило глаза, отражаясь в лужах после вчерашнего дождя, а сегодня с утра небо затянуло такой плотной серой ватой, что казалось, будто кто-то сверху накрыл город огромным мокрым одеялом. Сырость просачивалась сквозь рамы, сквозь стены, сквозь тонкие подошвы школьных туфель, которые Женька Снегирев ненавидел всей душой за то, что они не грели.

Он сидел на последней парте в кабинете физики и смотрел в окно. За стеклом бесконечно моросил дождь. Капли собирались в крупные шары, медленно ползли вниз по мутному стеклу, оставляя за собой неровные, дрожащие дорожки. Стекло было старым, в нём искажалось всё, что было снаружи: мокрые тополя казались кривыми, приземистыми старухами, а серое небо — огромной лужей, перевёрнутой вверх дном.

— Снегирев! — голос физика, Петра Ивановича, прозвучал резко, как удар линейки по столу. — Ты вообще на каком свете находишься? Я тебя спрашиваю про силу тока, а

ты мне тут созерцаешь природу.

Женька вздрогнул. Шевелюра, вечно лохматая, непослушная, качнулась, словно куст на ветру. Он медленно перевёл взгляд с окна на доску, исписанную формулами. Буквы и цифры сливались в мутное пятно. Он даже не пытался понять, что там написано. Зачем? Всё равно не поймёт.

— Я... — начал он, но голос сел, как у мальчишки на сцене, и он кашлянул. — Я думаю, Пётр Иванович.

Класс захихикал. Кто-то сзади, кажется, Витька Носов, противно засвистел. Физик окинул Женьку долгим взглядом поверх очков. У Петра Ивановича был такой тяжёлый, рентгеновский взгляд, что казалось, он видит тебя насквозь, видит каждую твою глупую, несформированную мысль.

— Думаешь ты, значит, — протянул физик. — Плохо думаешь, Снегирев. Садись. Два. Придёшь с мамой завтра.

Женька сел, не чувствуя ног. Два. Очередное два. Они накапливались у него в дневнике, как осенние листья в подворотне. Скоро мама снова будет вздыхать, кусать губы, но ничего не говорить. Она никогда не кричала. Она только молчала. И это молчание было хуже любых криков.

Урок тянулся бесконечно. Женька смотрел на доску, на руки учителя, мелькающие в воздухе, на заспанные лица одноклассников. Он видел, как Колька Сураев, сидящий через ряд, что-то лихо записывает в тетрадь, уверенный, спокойный, сильный. Колька всё понимал в этой физике. И в жизни всё понимал. У него был отец-боксёр, который учил его

держат удар. А у Женьки был отец, который... который был просто тенью человека. Вечно хмурый, вечно в халате, вечно с запахом перегара, который пропитал обои в их маленькой квартире на всю глубину.

Когда прозвенел звонок, Женька вылетел из класса первым. Он не хотел ни с кем разговаривать. Он хотел одного — спрятаться.

Домой идти не хотелось. Там его ждала тесная прихожая, запах кислых щей и телевизор, который отец включал на полную громкость, даже если не смотрел. Там ждала мама, которая придёт с фабрики уставшая, сядет напротив и будет долго молча смотреть в тарелку.

Женька свернул в парк. Но и там было тоскливо. Скамейки мокрые, листья прилипли к асфальту, какдохлые мотыльки. Ветер гнал по аллее рваные облака, похожие на вату. Он постоял у фонтана, который уже не работал, посмотрел на облезлого бронзового мальчика с рыбой, и понял, что замёрз до костей. Его тонкая куртка, доставшаяся от старшего брата двоюродного, уже не спасала.

Он пошёл домой. Ноги несли его сами, по привычке, по выбитой за много лет тропе: школа — парк — двор — подъезд с вонючим лифтом, который вечно застревал между этажами. Квартира на третьем этаже. Пять дверей по лестничной клетке, ободранные, покрашенные ужасной зелёной краской. Свою он узнавал по замку, который открывался только если ключ повернуть до конца и чуть-чуть надавить

плечом.

Дома никого не было. Отец, наверное, в магазин ушёл. Или на лавочку. Женька вздохнул с облегчением. Тишина в квартире была другой — она не давила, она позволяла дышать.

Он скинул туфли в коридоре, прошлёпал босиком по коридору, заглянул в пустую кухню, в пустую комнату, где на столе лежала раскрытая отцовская книга с пожелтевшими страницами. Какой-то детектив.

И остановился у двери в кладовку.

Кладовка была их квартирным чуланом. Маленькая, метра два на полтора, без окна, с одним голым патроном на потолке, куда мама вкрутила тусклую лампочку. Там стояли старые вещи: сломанный стул, коробки с отцовскими инструментами, пыльные стопки газет, чемодан без ручки, и старый письменный стол, который некуда было поставить в комнате, потому что комната была маленькая, а отец ни за что не хотел выносить свой продавленный диван.

Но Женька любил эту кладовку. Здесь было тесно. Здесь было тихо. И здесь никто его не трогал.

Он включил свет. Лампочка моргнула, и по стенам побежали тени от коробок и вешалок. Женька сел за стол. Стул скрипнул, как живой. Он вытащил из рюкзака тетрадь. Не школьную, а свою, общую, с потёртым коричневым переплётом, которую он купил в ларьке за двадцать копеек. В ней он писал.

В последнее время он писал много. Может быть, слишком много. Стихи. Нет, сначала это были просто обрывки мыслей. Потом строки стали ложиться в рифму, и Женька вдруг понял, что это единственное, что у него получается. Единственное место, где он может говорить правду.

Он открыл тетрадь на чистой странице. За окном (за дверью, точнее, потому что окна в кладовке не было) слышно было, как где-то в квартире капает кран. Кап. Кап. Кап. Монотонно, как метроном.

Он вывел ручкой, синей, дешёвой, с разбитым колпачком, первое слово.

«Сегодня я получил двойку по физике. Это ничего не значит. Это лишь значит, что я не умею быть как все. Я не могу запоминать формулы, потому что в них нет жизни. В них нет души. Они лишь описывают мир, но не чувствуют его. А я чувствую слишком остро. Я чувствую, как осень умирает. Как дождь плачет по ушедшему лету. Как мама устаёт молчать».

Он писал и не замечал, как время течёт. На улице стемнело. В квартире по-прежнему было тихо. Ручка скрипела по бумаге, выводя неровные буквы. Женька писал о своей боли, о том, что он слишком худой и длинный, что ненавидит своё отражение в зеркале, потому что видит там испуганную рожу с большими ушами, которая никому не нужна.

— Глупо, — сказал он вслух, сам себе. — Всё это глупо. Есенин... Есенин так писал. А я просто переливаю из пусто-

го в порожнее.

Он отложил ручку и зажмурился. Глаза болели от тусклого света. Он хотел спать, но ему не хотелось идти в комнату, где пахнет отцом. Там было душно. Здесь, в кладовке, пахло пылью и старыми вещами — и этот запах казался ему родным, спокойным.

Он опустил голову на сложенные руки. Тетрадь лежала рядом. Лампочка над головой слабо гудела.

И вдруг ему показалось, что в кладовке кто-то есть.

Он поднял голову. Никого. Коробки. Стул. Пальто на вешалке.

Он посмотрел на стену.

Там, на неровной, ободранной штукатурке, танцевала его тень. Она была огромной, расплывчатой, искажённой. Она тянулась от его плеч и головы, и руки её, тени, были длиннее, чем у него. Она шевелилась. Даже когда он сам замер, она продолжала двигаться.

Женька моргнул. Тень замерла.

— Сплю, — прошептал он. — Наверное, это от усталости.

Он снова закрыл глаза. Но уснуть не мог. Он чувствовал на себе чей-то взгляд. Нет, не чей-то — свой. Словно кто-то смотрел на него изнутри него самого.

Он открыл глаза.

Тень на стене теперь сидела в той же позе, что и он. Руки сложены на столе. Голова чуть наклонена.

И тут он услышал голос.

Он не был громким. Он был тихим, шелестящим, как шуршание сухой листвы под ногами. И он шёл не извне, а откуда-то изнутри, из глубины его собственной головы, но при этом казался чужим.

— Скучно тебе, Женька, — сказал голос. — Скучно и грустно. Мир тебя не принимает. И ты не принимаешь мир. Ты здесь, в этой пыльной коробке, чтобы спрятаться от него. Но не будет ли проще исчезнуть совсем?

Женька вскочил. Стул грохнулся назад. Он вжался спиной в полку, с которой посыпались какие-то журналы.

— Кто здесь?! — крикнул он. — Мам? Вы?

Тишина. Только капли воды где-то в кухне. Кап. Кап.

Он посмотрел на стену. Тень его была неподвижна. Она копировала его испуганную позу.

— Я сплю, — сказал он громко, чтобы убедить самого себя. — Я сейчас проснусь. Я просто заснул за столом. Всё это сон.

Он сел обратно. Ноги тряслись. Он вытер пот со лба рукавом. Тетрадь перед ним лежала открытая. Он попытался снова взять ручку, чтобы написать ещё что-то, чтобы успокоиться.

Но голос вернулся. Он был ближе. Он звучал уже не в голове, а прямо в ухе, как чужой шёпот. Он был спокойным, насмешливым и страшным своей обыденностью.

— Зачем тебе эти стихи, Женька? — прошелестел голос. — Они фальшивые. Ты сам знаешь. Ты пишешь о том, чего

не чувствуешь. Ты пытаешься быть поэтом, но в тебе нет огня. Ты лишь бледная копия. Ты — тень. Моя тень.

И тогда Женька Снегирев понял, что его тень на стене жила своей жизнью. Она медленно, очень медленно, словно нехотя, подняла руку вверх. И помахала ему.

А он сидел, не двигаясь, и смотрел, как его собственное отражение на стене постепенно обретает очертания. Оно больше не было просто силуэтом. Там проступали глаза. Там была улыбка. Улыбка, которую он никогда не видел на своём лице.

— Я помогу тебе, — сказала Тень. — Я научу тебя не чувствовать боли. Ты станешь спокойным, как вода. Ты перестанешь дрожать перед учителями и Людкой. Я могу дать тебе всё, что ты хочешь. Только послушай меня.

Женька хотел закричать. Хотел вскочить и выбежать из кладовки, из квартиры, из дома, на улицу, под дождь, чтобы свет фонарей разорвал эту мглу. Но тело не слушалось. Оно было тяжёлым, как у того человека, что сидел в его комнате и пил водку.

— Кто ты? — прошептал он.

— Я — ты, — ответила Тень. — Только настоящий. Тот, который мог бы быть. Если ты примешь меня, ты перестанешь быть никем. Ты будешь мной. А я буду тобой. Только не дрожи. Не бойся. Я здесь, рядом. Я всегда был рядом. Я ждал, когда ты останешься один.

В кладовке стало холодно. Холодно, как в склепе. Женька

сжал руки в кулаки, сжал так сильно, что ногти впились в ладони до боли, до крови, чтобы проснуться, чтобы понять, что это просто дурной сон, навеянный усталостью и этой тоской, которая съедала его изнутри.

— Уходи, — выдавил он, почти не дыша. — Уходи. Я тебя не знаю.

Тень на стене наклонилась к нему, будто прислушиваясь. Губы её, нарисованные тенью, изогнулись в усмешке.

— Ты меня узнаешь, — прошептала она. — Скоро. Ты придёшь ко мне сам. Всегда так. Сначала ты будешь бежать от меня. А потом придёшь сам, усталый, разбитый. И попросишь меня стереть твою боль. И я сотру, Женька. Я сотру всё. Ты станешь пустым. И тогда мы будем вместе.

Свет в кладовке моргнул. Лампочка зашипела, и на секунду в кладовке воцарилась абсолютная, непроглядная тьма.

А когда свет загорелся вновь, тень на стене была обычной. Она сидела, как он, и шевелилась, когда шевелился он. Ни усмешки, ни глаз. Только его силуэт на облупившейся штукатурке.

Женька смотрел на неё. Он смотрел на свою руку. Рука дрожала.

Он медленно встал. Подошёл к стене и провёл пальцами по той самой штукатурке, где только что видел лицо. Штукатурка была холодной, шершавой, мокрой от влаги.

— Мне показалось, — сказал он. — Мне просто показалось.

Он закрыл тетрадь, сунул её в рюкзак. Выйдя из кладовки, он захлопнул дверь и даже задвинул щеколду, которую никогда раньше не задвигал.

В комнате горел свет. Отец пришёл. Он сидел в кресле перед телевизором, где шёл какой-то старый фильм, и молча смотрел в одну точку. На столе стояла наполовину пустая бутылка.

— Здорово, — буркнул отец, не поворачивая головы.

— Здорово, — ответил Женька, проходя мимо, не глядя на него.

Он лёг на свою кровать, укрылся тонким, вытертым пледом и уставился в потолок. Там, на потолке, плясали отблески света из окна. Они ложились странными узорами, похожими на изломанные пальцы.

Он закрыл глаза. Но засыпать боялся.

Потому что теперь он знал: внутри него, в самой тёмной, самой пыльной глубине, было нечто живое. И оно ждало.

А через стену, в соседней комнате, его мама, вернувшаяся с работы, тихо плакала, зажимая рот ладонью, чтобы муж не услышал.

А Женька лежал и слушал, как капает кран на кухне. Кап. Кап. Кап.

И где-то на дне его сознания голос, похожий на шелест листвы, шептал:

«Ничего, Женька. Ты ещё придёшь. Я знаю...»

— Нет, — прошептал он в подушку. — Нет. Это всё глу-

пости. Я — живой. Я есть. Это просто тень.

Но он уже не был уверен.

Он достал из-под подушки тетрадь и, подсвечивая себе фонариком, чтобы не разбудить отца, написал на последней странице:

«Сегодня со мной говорила моя тень. Она сказала, что я — пустота. И я боюсь, что она права. Потому что я пишу стихи, которые не мои. И я смотрю на мир, который не видит меня. Где я? Кто я? Ответа нет. Только шёпот. Только капли дождя за окном. И тень, которая ждёт меня на стене».

Он закрыл тетрадь. В окно постучали ветки тополя. Завтра будет новый день. Снова школа. Снова физика. Снова Людка, которая посмотрит на него своими смеющимися глазами и не заметит, что он тонет.

Но завтра всё будет по-другому. Он решил, что завтра он не будет бояться. Он будет как все. Он будет сильным. Даже если для этого нужно послушать тот странный голос, который обещал ему покой.

ГЛАВА 2. ХАМЕЛЕОН

Субботнее утро в городе N было похоже на вчерашний вечер: то же серое небо, тот же мелкий, нудный дождь, который не заряжал, но пробирал до костей. Женька проспал до десяти, чего с ним никогда не случалось в будни. И просыпаться не хотелось. Ему снилась кладовка. Ему снилась тень, которая махала ему рукой и звала за собой в темноту.

Но он проснулся. И первое, что он сделал — подошёл к зеркалу в прихожей.

Он долго смотрел на своё отражение. На худое, бледное лицо. На тёмные круги под глазами, которые появились после той ночи. На непослушные пряди, торчащие во все стороны, как солома на ветру. Обычное лицо. Обычный парень. Ничего страшного.

— Глюк, — сказал он своему отражению. — Просто глюк.

Но зеркало молчало. Никакого шёпота. Никакой усмешки. Только он — тощий, длинный, с этой ужасной фамилией Снегирев, похожей на чирикание.

За завтраком он наскоро проглотил холодную кашу, оставшуюся с вечера, и сунул ноги в старенькие кеды. Мама уже ушла на работу, отец храпел в своей комнате — суббота, его священный день отдыха, который он проводил либо перед телевизором, либо в горизонтальном положении.

Женька вышел во двор.

Двор у них был классический: три облезлых пятиэтажки, кольцом обступаящие площадку с качелями, которые скрипели на ветру, и парой лавочек, на которых в хорошую погоду сидели бабки. Но сегодня погода была нехорошая, и двор казался вымершим. Только мокрые голуби копошились в луже у мусорных баков, да какой-то мужик в телогрейке курил у подъезда, прячась от ветра.

Женька хотел было пойти в библиотеку — к Славику, который вчера, кажется, обмолвился, что будет там копаться в каких-то книгах о Бальзаке. Но Женька не пошёл. Он подумал, что от книг у него только голова болит. И потом, Славик — это ведь тот же самый он, только аккуратный, тихий и, наверное, ещё более жалкий. А Женьке хотелось быть нормальным. Просто нормальным.

Он пошёл в школьный двор.

Школа по субботам работала, но не для уроков — для секций и собраний. И у крыльца, прямо под козырьком, где не капало, уже собралась компания старшеклассников. Женька знал их. Это были те самые парни, которые курили в туалетах, не боялись учителей и громко смеялись на переменах, потрясая мускулами. Они были шумными, они были грубыми, они были — настоящими. Не как он.

Когда Женька подошёл ближе, Серёга Шмель — коренастый, с бычьей шеей — обернулся и насмешливо прищурился:

— О, Снегирь! Редкая птица. Ты чё, заблудился?

Компания заржала. Женька почувствовал, как краснеют уши. Но он не убежал. Внутри него что-то екнуло, и вдруг голос — тот самый, шелестящий, который он слышал в кладовке, — тихо, но отчётливо прошептал:

— Не бойся. Улыбнись. Сделай вид, что тебе смешно. Они не увидят разницы. Ты просто отражаешь их. Стань зеркалом, Женька.

И Женька улыбнулся. Не своей обычной робкой, испуганной улыбкой, а широко, свободно, как будто он был здесь своим.

— Заблудился, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и даже чуть нахально. — Иду в магазин за хлебом. А тут вы, как шайка разбойников, стоите.

Он сам не знал, откуда взял эти слова. Он никогда так не разговаривал. Он даже не думал так думать. Но слова лились сами.

Парни переглянулись. Шмель хмыкнул и хлопнул его по плечу так, что Женька чуть не согнулся:

— Смотри, заговорил! А я думал, ты вообще рта не открываешь, кроме как на уроках литературы. Ладно, стой, если пришёл.

— А чё мы тут делаем? — спросил кто-то из компании — долгоязыый Артём, который всегда ходил в спортивном костюме и жевал жвачку с отвратительным чавканьем.

— Ждём Андрюху, — лениво ответил Шмель. — Он обещал сигареты принести. Батя его сдачу дал на проезд, а он

на "Приму" потратится, дурак.

Все заржали снова. Женька тоже засмеялся. Он не понимал, что смешного в том, что Андрюха потратит деньги на сигареты, но он смеялся вместе со всеми. Он копировал их интонации. Он делал то же лицо — полунахальное, полускушающее. И внутри, на самом дне души, ему было противно. Но голос внутри шептал:

— Вот видишь? Легко, правда? Ты можешь быть любым. Ты не личность. Ты — хамелеон. И это твой дар. Принимай его.

Кто-то достал дешёвый плеер, включил музыку — какой-то металл с надрывным гитарным визгом. Парни закурили, передавая друг другу одну сигарету, хотя курить умели далеко не все. Женька тоже взял, когда ему протянули. Он затаился — и тут же закашлялся, дым обжёг горло, глаза защищало.

— Слабак, — фыркнул Шмель, но не зло. — Не куришь, что ли?

— Редко, — выдавил Женька, вытирая слёзы. — Просто с непривычки.

— Привыкай, — посоветовал долговязый Артём. — Жизнь научит.

Они стояли так около получаса. Женька слушал их разговоры. Говорили о драках, о девчонках, о том, какой урод физрук. Говорили грубо, с матом, часто перебивая друг друга. Женька чувствовал, как он постепенно растворяется в их

шуме. Он уже не был Женькой. Он был частью толпы. Его лицо не выражало ничего, кроме лёгкой ухмылки. Его мысли были чужими — пустыми, громкими, как хлопки петарды.

И в этот момент он увидел Людку.

Она вышла из подъезда соседнего дома — того, что стоял напротив школы. В руках у неё была хозяйственная сумка, из которой торчал батон. На ней была ярко-красная куртка, и в этом сером, мокром мире она казалась пятном цвета, огнём, который не мог потухнуть.

Она шла быстрым шагом, привычно, не глядя по сторонам. И Женька вдруг понял, что она идёт к магазину, который находится за их компанией. Она пройдёт мимо. В двух метрах от него.

Сердце ухнуло вниз, как камень в колодезь.

Он замер. Улыбка сползла с его лица. Он выпрямился, пытаясь казаться выше, шире. Он хотел что-то сказать. Хотел, чтобы она взглянула на него. Чтобы она увидела его — не тень, не этого тощего задохлика, а — кого-то.

— Она не посмотрит, — прошептал голос Тени. — Ты для неё пустое место. Ты даже не шум. Ты тишина. Но ты можешь быть мной. Мной — и тогда она заметит.

— Заткнись, — прошептал Женька одними губами, почти не слышно.

Людка приближалась. Её щёки покраснелись от мороза, изо рта шёл пар. Она была такой живой, такой настоящей, что Женьке захотелось спрятаться, закрыться руками, чтобы

она не видела его — такого бледного, искусственного, стоящего в компании курящих идиотов.

Она прошла мимо. Смотрела прямо перед собой. И даже не повернула головы.

Она будто не заметила его.

А Шмель громко, на весь двор, свистнул ей вслед:

— Эй, Лебедева! Красная Шапочка! Привет от волка!

Людка остановилась, обернулась. Она посмотрела на Шмеля с лёгкой брезгливостью, но в глазах мелькнула искорка смеха.

— Привет, Шмель, — ответила она спокойно. — Ты бы лучше зубы почистил, а то на волка не тянешь, на шакала.

Компания захохотала. Шмель сделал вид, что обиделся, но было видно, что ему нравится, как она его отшивает.

А Женька стоял и молчал. Он хотел сказать: «Привет, Людка». Он хотел сказать: «Красивая у тебя куртка». Он хотел сказать: «Я видел, как ты смеёшься вчера на перемене, у тебя ямочки на щеках, и я не могу забыть, как это выглядит».

Но он не сказал ничего. Потому что, когда Людка на секунду задержала взгляд на нём, он увидел в её глазах непонимание. Она смотрела на него, и на секунду он показался ей знакомым, но она не знала, как его зовут.

— Она забыла своё имя, — прошептал голос. — Ты для неё — мебель. Стул. Или тень на стене. Ты ноль.

Людка пошла дальше, скрывшись за поворотом магазина. А Женька смотрел ей вслед, пока её красная куртка не стала

крошечной точкой, а потом и вовсе исчезла.

Он стоял и молчал. Парни снова гоготали, переругивались, передавали сигареты. Но он их не слышал. Он слышал только шёпот, который заполнил его голову, как чёрная вода.

— Ты никто, — шелестел голос, усмехаясь. — Но мне это нравится. В пустом сосуде удобно жить. Иди домой, Женька. Иди и запиши это. Пиши. Выплёскивай свою боль на бумагу. Тогда я буду сытым.

Он развернулся и пошёл прочь. Не попрощавшись, не обернувшись. Он просто ушёл, чувствуя, как с каждым шагом тает его "маска хамелеона". Лицо становилось прежним — бледным, испуганным. Плечи опускались.

Дома было тихо. Отец всё ещё спал. Женька прошёл в кладовку. Он щёлкнул выключателем. Лампочка, как всегда, моргнула. Тени по стенам привычно дрогнули.

Он сел за стол. Достал тетрадь. Открыл на чистой странице. Ручка закрипела по бумаге.

Он писал быстро, почти не разбирая букв. Строчки ложились криво, грязно, потому что руки дрожали.

«Сегодня я был как вода. Я принял форму сосуда. Я смеялся их смехом, курил их сигареты, думал их глупыми мыслями. И мне это удалось. Они приняли меня. Они не видели, что внутри пустота. Что вместо меня — тень. А что я? Где я? Меня не было. Там был кто-то другой. Или никто.

А Людка прошла мимо. Она даже не посмотрела. Она не видит меня. Никто не видит. Потому что меня нет. Есть толь-

ко мои мысли, которые я записываю, и тот голос, который шепчет мне из стены.

Оказывается, почти у всех юношей душа переполнена чувствами. Но они не пишут. Они живут. Они кричат, дерутся, влюбляются. А я? Я переливаю свои чувства в чернила, и они уходят, оставляя меня пустым. А потом в эту пустоту приходит ОН.

Я не знаю, кто он. Но он даёт мне силу быть кем угодно. Он говорит, что я могу быть любим, если перестану быть собой. Но что, если я никогда не был собой? Что, если с самого рождения я был только чужой тенью?

Тогда зачем мне жить?»

Он поставил точку. И откинулся на спинку стула. Лампочка гудела монотонно, грустно.

Тень на стене, его собственная, шевельнулась. Но в этот раз она не усмехалась. Она просто смотрела на него — пустыми глазами, — и в этом взгляде не было ничего, кроме терпеливого ожидания.

— Ты придёшь, — прошелестело из стены. — Скоро. Ты устанешь быть собой. Ты примешь меня. И тогда ты станешь свободным.

Женька закрыл тетрадь. Он не заплакал. Слез не было. Был только холод, который заполнил его изнутри, как вода заполняет пустой кувшин.

Он вышел из кладовки и плотно закрыл дверь. Из кухни пахло борщом — мама, наверное, встала пораньше и поста-

вила готовить, чтобы к вечеру вернуться к горячему ужину.

Женька пошёл на кухню. Он сел за стол, налил себе холодного компота из банки, и устался в окно. За окном всё так же моросил дождь. Серый день. Серый город. Серая тень, которая теперь жила внутри него.

Он посмотрел на часы. Было ещё только два часа дня. Впереди была целая вечность, которую нужно было как-то прожить. Но он не знал, как.

Он достал из ящика старую книгу Есенина — потрёпанный томик, который мама купила на барахолке когда-то давно. Открыл на середине и прочитал:

«Я последний поэт деревни...»

Голос внутри усмехнулся:

— Ты даже не поэт. Ты просто подражатель. И ты слишком слаб, чтобы быть собой. Но ты нужен мне. Ты нужен мне, Женька. Не убегай.

Женька захлопнул книгу.

Он больше не хотел читать. Он хотел просто сидеть и смотреть в серое небо. И ждать. Чего? Он не знал. Но он чувствовал, что время, когда он сможет просто быть — как все — уходит. И скоро наступит тот момент, когда ему придётся выбирать.

С кем он. И кто он.

А за дверью кладовки, в темноте, тень усмехалась и ждала. Она знала, что он вернётся. Они всегда возвращаются.

Глава 3. ЛЮДКА И РОЗЫ

Воскресенье в городе N выдалось на удивление тихим. Серые тучи, висевшие над ним всю неделю, вдруг рассеялись, будто кто-то невидимой рукой раздвинул тяжёлый занавес, и в образовавшуюся прореху хлынул свет — бледный, по-осеннему скудный, но такой долгожданный, что даже мокрые крыши пятиэтажек заиграли серебром. Ветер стих, и воздух наполнился тем особенным, хрустальным спокойствием, какое бывает только в предпоследний месяц осени, когда природа уже смирилась с уходом тепла и замерла в ожидании первого снега.

Городской парк, раскинувшийся на холме между старым вокзалом и хлебозаводом, был почти пуст. Дорожки, усыпанные мокрыми листьями, блестели на солнце, как чешуя огромной золотой рыбы. Голые ветки клёнов тянулись к небу, и на каждой из них дрожали редкие, уже почти прозрачные листья. Где-то в глубине аллеи стучал дятел — мерно, деловито, словно отбивал ритм для всего парка.

Женька Снегирев сидел на скамейке у заброшенного фонтана и смотрел на воду. Фонтан не работал уже третий год — трубы проржавели, а городской бюджет вечно не хватало на ремонт, — но в чаше его скопилась дождевая вода, и в ней, как в маленьком зеркале, отражалось небо. Женька смотрел на это отражение и думал о том, как странно устроен мир:

там, наверху, небо серое, но в отражении оно кажется золотым, тёплым, почти летним. Обман зрения.

Он пришёл в парк с одной целью: прогуляться. Подышать. Выветрить из головы тот шелестящий голос, который преследовал его уже вторую ночь. Мама сказала утром: «Пойди, Женя, проветришься. Ты какой-то бледный, как привидение». И он послушался. Он надел свою старую куртку, сунул руки в карманы и пошёл туда, где когда-то, в детстве, они с отцом кормили голубей. В те времена, когда отец ещё мог улыбаться.

Он сидел на скамейке и смотрел, как по аллее, подпрыгивая, бегают рыжий спаниель, а его хозяйка, пожилая женщина в пуховом платке, кричит ему что-то ласковое. На душе было спокойно, и Женька почти поверил, что всё, что случилось в кладовке — просто сон, игра воображения, истощённого нервными переживаниями.

Но спокойствие длилось недолго.

Из-за поворота аллеи, с той стороны, где стоял старый деревянный киоск с мороженым (давно закрытый на зиму), показались двое. Женька узнал их сразу, даже не разглядев лиц — по походке, по силуэтам. Колька Сураев и Людка Лебедева.

Они шли медленно, разговаривая о чём-то своём, и Женька вдруг почувствовал, как в груди что-то сжалось, перевернулось, заколотилось, как пойманная птица в клетке. Колька был в своей любимой клетчатой рубашке, накинутой поверх

футболки, и выглядел он так, как всегда выглядел: сильным, уверенным, огромным на фоне тоненькой фигурки Людки. А Людка... Людка смеялась.

Она запрокинула голову, и этот её смех — звонкий, чистый, как колокольчик — разнёсся по всей аллее. Женька слышал его отчётливо, до боли в ушах. Она что-то говорила Кольке, показывая рукой на голубей, и Колька кивал, улыбался, смотрел на неё с такой теплотой, что Женьке стало душно.

И тут Колька остановился. Он вытащил из-за спины огромный букет роз. Женька не видел, где он их прятал — может быть, нёс в другой руке, а Женька просто не заметил. Букет был нелепо большим, пышным, красным, будто Колька купил его, не глядя на цену, просто потому что мог себе это позволить. У Кольки была стипендия, он подрабатывал у дяди в гараже. У него были деньги.

Людка ахнула — Женька услышал её "ах" даже с расстояния в пятьдесят метров. Она взяла букет, понюхала его, и снова рассмеялась — тем же счастливым, беззаботным смехом. Колька что-то сказал, и она ткнула его кулачком в плечо, игриво, по-свойски.

Они стояли под старым клёном, на котором ещё держались жёлтые листья, и солнце, пробиваясь сквозь крону, освещало их обоих — свет падал на плечи Кольки, на рыжие волосы Людки, на лепестки роз, которые горели алым, как маленькие угольки.

Женька не мог отвести взгляда. Он смотрел на них, чувствуя, как внутри что-то рвётся, как тонкие струны его души натягиваются до предела и вот-вот лопнут.

— Она с ним, — прошелестел голос изнутри. Тот самый, шелестящий, холодный, как осенний ветер. — Она выбрала его. Сильного. Уверенного. Такого, как ты никогда не будешь. Посмотри на них. Они счастливы. А ты сидишь здесь, на мокрой скамейке, как бездомный пёс, и смотришь на чужое счастье.

— Замолчи, — прошептал Женька одними губами. — Пожалуйста, замолчи.

— Ты ревнуешь, — продолжала Тень, не обращая внимания на его просьбу. — Это естественно. Но ты слаб. Ты не можешь даже подойти к ней. Ты не можешь подарить ей розы. У тебя нет денег, нет силы, нет мужества. Ты просто тень, которая сидит на скамейке и смотрит.

Женька сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Но я могу тебе помочь, — прошептала Тень ласково, почти нежно. — Это просто. Перестань чувствовать. Выключи любовь. Она тебе только мешает. Она делает тебя уязвимым, смешным, жалким. Скажи себе: «Мне не нужна Людка. Мне никто не нужен». И станет легче. Поверь. Это как анестезия. Просто убей чувство.

— Я не могу, — прошептал Женька. — Я не могу убить чувство. Оно живое.

— Оно — всего лишь гормоны, — усмехнулась Тень. —

Всё, что ты чувствуешь — это химия. Ты думаешь, что это любовь? Это просто страх одиночества. Ты боишься, что останешься один. А я здесь, Женька. Я всегда буду с тобой. Тебе никто не нужен. Только я.

Женька посмотрел на пару под клёном. Колька обнял Людку за плечи, и она, смеясь, уткнулась носом в букет. Розы качались на ветру.

«Третий лишний», — вспомнил Женька. — «Старая песня и глупая. Это не закон. Это неправда».

Но голос Тени был сильнее.

— Это закон, — прошептала она, и в этом шёпоте звучала древняя, горькая мудрость. — Третий всегда лишний. Ты — третий. Уйди из игры. Убей в себе надежду, и ты перестанешь страдать. Сделай это. Прямо сейчас. Скажи себе: «Я не хочу её. Она мне безразлична». И всё закончится.

Женька закрыл глаза. Он попытался представить, что Людка ему безразлична. Что её смех не трогает его. Что её рыжие волосы — просто краска. Что её ямочки на щеках — просто ямки. Пустота.

Но перед глазами встало её лицо. То, каким он его помнил — улыбающееся, солнечное, тёплое, как тот самый отражённый свет в чаше фонтана.

И Женька понял, что не может. Не может убить это чувство. Оно было единственным живым, что у него осталось. Оно было тем, что отличало его от пустоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.